

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

## Кто положит цветы к памятнику Тургеневу?

Наверное, для любителей русской словесности нет более романтического города, чем Орел. Губернский Орел второй половины девятнадцатого века. Перелистываешь книги Тургенева, Лескова, Бунина, и возникает некий уютный, своеобразный, со старинным дедовским укладом российский провинциальный быт. Тут и дворянство с музыкальными салонами, балами, благотворительными базарами, прогулками в парке; тут и купечество — с ярмарками, загулами, меценатством, богатыми невестами; и ремесленники — слободские и приезжие; тут и духовенство, о котором так пронзительно и подробно, и неповторимо повествовал Лесков.

Все то недолгое время, пока я знакомилась с Городом, мне вспоминались слова Бертольда Брехта: «А может быть, все искусства учат единственному искусству — искусству жить на земле!» И не верилось, что в Городе, который так долго меня привораживал, мне не встретится Театральный подъезд с ярко горящими фонарями, с предчувствием таинственного, неповторимого зрелища.

И вдруг, когда я уже поддалась отчаянию (друг мой, читатель, вспомните Ивана Алексеевича Бунина и его мудрый совет: «Уныние — есть грех!»), мне неожиданно повезло. Среди агрессивности, грубости, убожества, обиды — вдруг — как вестник иной сферы реальности — афишный щит Театра юных зрителей. Театр называется «Свободное пространство», а это значит — на сцену приглашаются все герои и героини мировой театральной классики. И Том Соьер, и Снежная Королева, и неутомимый фантазер — мальчишка, не желающий становиться взрослым — скучным и злым, мрачным и прагматичным, не желающим играть ни в индейцев, ни в пиратов, — мой любимый герой Питер Пэн. Ну и, разумеется, Принц и Нищий... Я достала блокнот и стала переписывать все спектакли этого театра. Просто так. Для себя. Кто знает, а вдруг Театр придет на гастроли в

Москву или еще где-нибудь пересекнутся наши дороги?

— Театр, — улыбаясь, спокойно и без тени иронии говорит Александр Алексеевич Михайлов, главный режиссер Театра, элегантный, обаятельный, несуетный, — невозможен без своего зрителя, без особой публики премьер, без поклонниц, без фанатиков-любителей, без тех, кто понимает, что без хлеба насущного жить трудно, но... без хлеба духовного — невозможно! Без стихов, музыки, высокой драмы-трагедии — существование, недостойное для человека. Тем более российского. Но как бы нас ни отучали за прошедшие десятилетия от самого понятия «культура», все же остается одна-единственная наша надежда — дети.

— Скажите, в вашем Театре существует проблема «зрительного зала»? — поинтересовалась я у Александра Алексеевича.

И главный режиссер со свойственной всем творческим людям осторожной суровостью ответил:

— Мы этой проблемы не ощущаем. Создание Центра Русской Классики в Орле помогает и актерам, и зрителям не чувствовать себя оторванными от «мировой цивилизации». В нашем городе недавно проходил фестиваль лучших спектаклей России. Играть «Восточницу» по Лескову приезжала из Москвы Вера Васильева. Есть прослойка людей, которая любит и знает театр. Для них становится событием духовной жизни приезд американских актеров. В маленьких городах театр имеет больше шансов выжить. Мы, например, перед спектаклем несколько слов всегда говорим нашим зрителям — детям. К сожалению, стадионы, дискотеки, кинотеатры приучают к крикам, свисту, и прочим «активным» эмоциям.

Впрочем, у ТЮЗа много бескорыстных помощников, множество театральных классов, клубов. Один из них — «Семья», где проводятся вечера, встречи с артистами. В самом театре есть два работника «педагогического отдела», которые много работают

и с учителями, и с учениками. Есть и верные поклонницы. Одна из них — врач, мать троих детей. Она по десять раз приходила на спектакли, артисты ей выдали «пригласительный билет». А она тут же взяла шефство над всей труппой. Такое, наверное, возможно только в небольшом городе.

— Почему вы выбрали Орел? Ведь у вас была возможность ставить спектакли в Москве, Санкт-Петербурге...

— Дело в том, что я откровенно люблю театральную игру. Праздник. Зрелище. Для меня важен не только «театр, который во мне», но и... здание. Труппа. Мне не хотелось тратить силы на борьбу со сложившейся традицией, системой. А тут — театр молодой. Здание величественное. В городе — солидный драматический театр. Труппа — двадцать пять человек. Молодежь. Жажда выразиться. Я походил, посмотрел — мне в этом Театре понравилось. И вот с 87-го года пошел уже пятый сезон. И чтобы наш театр оправдал свое название, чтобы мы справились с мировой драматургией, нам необходимо воспитывать не только зрителей, но и артистов. Бывают удачные спектакли, бывают очень удачные, с которыми не стыдно поехать и в Калифорнию, куда нас приглашали. Но как бы ни было интересно выступать перед «заморской» публикой — раскритиковать артист может только перед своим зрителем. Я уже был в Америке. Поставил «Золушку» в Калифорнийском театральном центре. И сейчас не сомневаюсь, что нашим артистам очень полезно поработать в «тех условиях» жесткой профессиональности. Но оценить себя, свое предназначение, свою миссию они могут только здесь — в нашем зрительном зале, на нашей сцене.

О, как много вопросов мне хотелось ему задать. Например, почему ближайшая премьера «Лекарь поневоле» Мольера и кто его учителя? Как ему удалось завлечь бельгийских актеров на три спектакля и почему он так уверен, что психологически

очень важно жить в городе, куда «запросто» приезжают артисты из Бельгии? Но главный режиссер посмотрел на часы, и я поняла — его ждут. Репетиция начинается ровно в семь, пора на сцену. Боже мой! Какие это дурманящие слова: «сцена», «аншлаги», «кулисы», «амплуа»!

— До встречи в Москве! Но режиссер лишь вежливо поклонился, он был уже там, на сцене, где его ожидал, нетерпеливо поглядывая по сторонам, Том Соьер.

Станислав Говорухин в одном из телеинтервью поделился своим замыслом — снять фильм о России, которую мы потеряли. Если он случайно прочтет эти строки, то непременно придет в Орел, зайдет в краеведческий музей, к директору Валентине Васильевне Титовой и попросит ее, очень мягко и очень настоятельно, прочесть одно письмо. Мадьяка-гимназиста к своей Возлюбленной, Девушке с ясными, лучистыми глазами «тургеневской барышни» и черным бантом в волосах. И тогда всем нам, будущим зрителям, станет понятно, что же исчезло из нашей духовной жизни. Ибо в строчках «любовного послания», которое хранится в фондах краеведческого музея, живым огнем, родниковой водой, пламенеющей рябиной, тихой мелодией ночного фортепьяно оживает благородство, поэзия, очарование всех знаменитых орловцев — писателей, поэтов, путешественников. «Гость недолго гостит, но много видит».

Кто же поможет Городу, кроме его верных земляков, коренных орловцев, кто положит цветы к памятнику Лескову, Тургеневу? Кто?

Однажды, должно быть в черную минуту, воскликнул Иван Сергеевич Тургенев: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись!» Я увидела эти слова на огромном плакате недалеко от Собора, и впервые в душе моей возник яростный протест.

Россия, которая с такой легкостью отпускает своих детей — талантливых, неповторимых, самых лучших и благородных — служить миру, а не своей России, может ли такая Россия не превратиться в ту страну, про которую снял свой мучительно-беспокойный фильм Станислав Говорухин?

Недавно мне попалась на глаза одна газетная строка: «В городе Орле открыт музей И. А. Бунина».

Все-таки добро сильнее зла!

Жанна ГРЕЧУХА.

Орел.